

о происхождении русского народа, зарождении классового общества среди восточного славянства и о начале русского государства. Эта сводка имела бы значительную ценность, если бы автор в ряде основных пунктов не сделал шага назад от результатов изысканий ведущих советских ученых, работающих над историей Киевской Руси. Так, вместо преодоления остатков и рудиментов норманизма В. В. Мавродин попал в плен к норманизму, объявив, по сути дела, организаторами Киевского государства варяжских князей. Вместо преодоления неточностей в характеристике общественных классов древней Руси, еще встречающихся в нашей научной литературе, дана путаная и нечеткая обрисовка их положения, не опирающаяся на самостоятельный анализ источников. Вместо внесения окончательной ясности в вопрос о начале русского государства, его политической структуре и установления точной периодизации, что было подготовлено предшествующими трудами советских ученых, В. В. Мавродин внес путаницу в изложение процесса образования древнерусского государства.

Разбор труда В. В. Мавродина показывает, что ряд труднейших вопросов—об этногенезе русского народа, о происхождении наименования «русь», о роли норманнов в процессе образования древнерусского государства, о ходе классовобразования и характеристике экономического и юридического положения различных классов и общественных групп, о политической структуре Киевского государства и о периодизации начальных этапов складывания древнерусского государства—не может считаться окончательно решенным и требует дальнейших научных исследований. Прочный фундамент, заложенный в трудах советских ученых, в первую очередь акад. Б. Д. Грекова, не оставляет сомнений в том, что и эти наиболее сложные вопросы исторической науки будут успешно разрешены.

С. А. Покровский

Академик Н. С. ДЕРЖАВИН. «Славяне в древности». Культурно-исторический очерк. Академия Наук Союза ССР. Научно-популярная серия. Ц. 16 р.

Естественно возросший в годы Отечественной войны интерес к истории славянских народов обусловил выход ряда монографических исследований, научно-популярных работ и статей, посвященных истории славянства в древности. К числу научно-популярных книг, посвященных этому сюжету, принадлежит изданная Академией Наук СССР работа академика Н. С. Державина «Славяне в древности», представляющая культурно-исторический очерк славянского мира на заре его письменной истории.

Рецензируемая книга делится на две части: «Историко-этнографический очерк» и «Первые государственные образования у славян и их история в древности (VII—XI вв.)».

Первая глава историко-этнографического очерка посвящена древнейшим известиям о славянах, причем автор делит этот древнейший период в истории славянского мира на два этапа:—1) период, когда в письменных источниках славянство выступает под названием венедов, и—2) когда славянский мир делится на две части, и предки современных южных и западных славян выступают под названием «славяне», а далекие предшественники восточнославянских, русских племен именуются антами. Н. С. Державин анализирует наиболее ранние известия о славянах, выступающих под именем венедов, восходящие к концу I и началу II вв. и принадлежащие Плинию Старшему, Тациту и Птолемию. Случайные упоминания о венетах у Геродота и об индах у Софокла автор считает древнейшими свидетельствами о венетах. Это последнее утверждение заслуживает внимания, хотя, быть может, в данном случае речь идет о других племенах со сходными названиями, обитавших где-то на севере.

Анализируя различные попытки объяснить происхождение термина «венеды» (венды, винды), принадлежащие Нидерле, Гильфердингу, Брауну и др., Н. С. Державин обращается к работам Н. Я. Марра для того, чтобы доказать, что

древнейшее наименование славянских племен—«*ven—d*» является реликтом еще доиндоевропейской речи, означавшим «народ», «племя» (стр. 10).

Автор выдвигает тезис, что «протославяне, т. е. славяне на стадии дославянского этнографического оформления,—такой же исконный с глубокой древности народ в Европе, как и их позднейшие соседи—германцы и кельты, первоначально—протогерманцы и протокельты на западе или протолитовцы и протофинны—на востоке, но на доиндоевропейской, т. е. яфетической, стадии, общей для всех европейских народов, они не выделялись, как особый, окончательно сложившийся в процессе племенных скрещений, этнографический тип среди прочих племен, населявших европейский материк...» (стр. 10—11).

К сожалению, для доказательства своих положений о начальном этапе в истории славянства Н. С. Державин не привлек материал, без которого вряд ли сейчас возможно удовлетворительное разрешение проблемы. Без данных археологии и лингвистики, без анализа памятников материальной культуры и языка, хотя бы в той форме, в какой они отражаются в топонимике, вряд ли сейчас возможна сколько-нибудь удачная постановка этногенетических проблем. Только сочетание всех трех видов источников. письменных, вещественных и языковых, дает возможность заняться интересующими нас вопросами.

В формировании современного славянства приняло участие множество племен глубокой древности,—такие, которых уже знают древние греческие и римские историки и географы, и такие, которые сошли со сцены еще до того, как варварская Средняя и Восточная Европа стала известной писателям древности.

Основная линия этногенеза идет не к расчленению единого пранарода с определенными, аb ово сложившимися антропологическими и языковыми устойчивыми и неизменяющимися особенностями, а к объединению этнических, слабо связанных между собою, образований в великие семьи народов. Это отнюдь не исключает того, что сближение происходит чаще всего между племенами, близкими друг другу по образу жизни, уровню общественного развития, быту, языку, культуре, что наряду со сближениями и скрещиваниями имеют место расчленения, расхождения, разъединения, выключения племен, их частей или групп племен из этногонического процесса, их переселения и передвижения, колонизация ими других племен или ассимиляция.

Древнейшее население сохранило память о себе в топонимике. Есть целый ряд названий, которые не могут быть объяснены ни из одного из современных языков. Они очень древни. Семантика их неизвестна, забыта, утрачена. Они встречаются повсеместно, и одинаковые названия, которые мы не можем объяснить из языков современной Европы, попадают в местах, где позднее обитали и славяне, и германцы, и кельты, и финно-угорские, и литовские племена. Это свидетельствует о том, что везде и повсеместно мы вскрываем древнейшие слои доиндоевропейской, дофинской речи.

В ней, как в зеркале, отразилась древняя жизнь славян. Реки и озера, болота и горы древней Славянщины своими именами говорят о том, что здесь колыбель исторического славянства, что здесь славянский край, край, где сложился великий народ славянский. Там, где текут среди дремучих лесов Вепрь, Бобр, Припять, Тетерев и Березина, где прорываются меж гор и шумят на дне горных ущелий Черемош и Быстрица, где стоят покрытые буковым лесом Черная гора и Яворник, где по весне на горных пастбищах Карпат звучит трембита и пастухи-гуцулы поют древние песни и добывают священный огонь трением двух кусков дерева, как делали их предки в эпоху неолита, там, где в болотах Полесья живут древними дворищами, большими семьями и быгают обряды и обычаи, уходящие далеко в глубь веков, там, где течет Висла,—там древняя Славянщина, там славянский край.

Источники славянства многообразны, и сам процесс складывания славянских племен—это процесс славянизации различных племен с различной культурой и речью, постепенно вовлекшихся в очаг славянского этногенеза.

Полагаю, что правомерно будет говорить о славянстве с той поры, когда можно будет констатировать наличие общности в языках и в быту группы племен, общности, в их материальной и духовной культуре и когда эта общность будет роднить данную

группу племен с историческим славянством. Вот почему, говоря о древнейшем этапе в истории славянства, необходимо не ограничиваться письменными источниками, а привлекать и данные языка и памятники материальной культуры. Совершенно очевидно, например, что если на территории, лежащей по течению рек Вислы, Одера, Припяти и Днепра, складываются культуры типа трипольской, лужицкой, перерастающие, хотя и не без перерывов, в культуру полей погребальных урн, а эта последняя распространена на территории уже безусловно славянской, о чем прямо говорят первые письменные источники¹, то носители трипольской и лужицкой культур, к которым генетически восходит культура полей погребальных урн, являются компонентом славянства.

К сожалению, Н. С. Державин ограничился привлечением только одних письменных источников и не остановился ни на памятниках материальной культуры, ни на топонимике. Кстати, следует отметить, что напрасно автор игнорирует среди письменных источников так называемые Певтингеровы таблицы—дорожник, составленный в самом начале нашей эры. Указания Певтингеровых таблиц о венедах, лугиях, германцах и сарматах очень ценны. Таблицы сближают лугиев со славянами, в то время как другие писатели начала нашей эры (в частности, Тацит) склонны связать их скорей с германцами.

Большое внимание уделяет автор вопросу об антах—восточных славянах IV—VII вв. нашей эры. В частности, Н. С. Державин присоединяется к соображению В. Брима о том, что термин «ант» восходит к доиндоевропейскому прошлому народов Европы.

Хотелось бы, чтобы автор более подробно остановился на вопросе о восточнославянских языках времен антов. Нельзя обойти молчанием одну особенность, которая обращает на себя внимание при рассмотрении славянских названий днепровских порогов у Константина Багрянородного; эти славянские наименования: «Островунипраг», «Вульнипраг», «Ессупи», «Веручи», «Напрези», «Неясыть», вряд ли являются словами, характерными для восточнославянских языков. В них нет ни древнего восточнославянского полногласия (вместо слова «порог», свойственного восточнославянским языкам, мы имеем слово «праг», характерное для южных славян, в частности, болгар), ни смыслового соответствия («неясыть» у восточных славян не пеликан, а род совы). Повидимому, эти названия были даны днепровским порогам не восточными славянами киевских времен, а их далекими предками антской поры, не дружинниками Олега и Игоря, а воинами Божа, Идара, Межамира, Доброгаста в ту пору, когда антские поселения достигали нижнего течения Днепра.

Во второй главе Н. С. Державин останавливается на вопросе о расселении и составе восточных, западных и южных славян. В этой части своего труда автор опускает нелетописные источники о восточнославянских племенах, а между тем сообщение Географа Баварского, хазарского царя Иосифа в его письме к ученому испанскому еврейю Хасдаи-Ибн-Шапруту, Константина Багрянородного и персидского анонима X в. представляют огромный интерес и дают возможность нарисовать карту расселения восточнославянских племен несколько иную, нежели та, которую дает летописец.

Работы Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, А. В. Арцыховского и И. И. Ляпушкина и других археологов содержат в себе очень интересный материал, к сожалению, не привлеченный Н. С. Державиным; этот материал дал бы возможность автору гораздо подробнее остановиться на вопросе расселения восточных славян. Перечислив восточнославянские племена, Н. С. Державин указывает, что они, «образуя собою в целом р у с с к и й н а р о д, не сидели, конечно, каждое племя в отдельности на

¹ Мнение И. И. Ляпушкина о том, что нет достаточных оснований считать памятники «полей погребальных урн» славянскими, является по меньшей мере спорным. И. И. Л я п у ш к и н, Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв., «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК», XII, стр. 117.

своих местах, отгороженными друг от друга непроходимыми стенами, строго изолированные в своих районах, не имея друг с другом никаких связей» (стр. 25).

Нет никакого сомнения в том, что именно в результате общения между отдельными восточнославянскими племенами эти последние начинают складываться в единый народ. В связи с такого рода постановкой вопроса хотелось бы, чтобы автор высказал свое суждение и по вопросу о тех процессах, которые привели к образованию единого русского народа киевских времен. Общественное развитие, результатом которого было создание древнерусского государства, вызвало большие изменения в этническом составе населения Восточной Европы. Киевское государство политически объединило восточнославянские, русские племена, связало их общностью политической жизни, культуры, религии, общей борьбой с «ворогами» и общими интересами на международной арене, историческими традициями, способствовало появлению и укреплению понятия единства Руси и русских.

Говоря о происхождении русского народа, Н. С. Державин напрасно снова допускает ошибку, на которую ему указывали его рецензенты А. Удальцов («Большевик», № 22, 1945 г.) и В. Пичета («Вопросы Истории», № 1, 1945 г.), полагая, что в Восточной Европе обитали не гипотетические этруски Н. Я. Марра, а этруски исторические, совершенно реальные, принимавшие участие в формировании русского, собственно уже славянского, населения (стр. 28). Автор не останавливается на вопросе о происхождении термина «рус», «русы», «Русь», хотя этот последний снова стал предметом пристального внимания наших историков.

На территории Восточной Европы племенные названия типа «рос» встречаются с очень отдаленных времен, и с течением времени они закрепляются за славянским населением Восточной Европы, причем применительно к определенной территории—Среднему Приднепровью.

В разделе о западных славянах подробно излагается расселение славянских племен далеко на запад вплоть до Гамбурга, Геттингена, Фульда, Эрфурта, Гета, Мерзбургга и других городов, но и подробно излагается вековая борьба западнославянского мира с насильниками и агрессорами—немцами.

Совершенно справедливо указание автора, что «славянские племена Чехо-Моравии и Словакии сложились в длительном процессе племенных скрещений, уходящем своими корнями в далекое дославянское доисторическое время, на той же территории, которую они исторически занимают и в настоящее время» (стр. 40).

Хотелось бы, чтобы автор уделил больше внимания древнему кельтскому населению Чехии и других сопредельных областей, которое, несомненно, принимало участие в формировании позднейшего славянского населения края. С другой стороны, вряд ли можно считать обоснованным утверждение, что славяне «под именем мугилонов отмечены уже греческим географом Страбоном в I в. до нашей эры» в районе Средней Эльбы и Салы (стр. 28—29). Хотя эту точку зрения мы найдем и у других авторов (А. Д. Удальцов), полагаю, что у нас нет оснований утверждать это в столь категорической форме.

Совершенно своевременно Н. С. Державин обратил внимание на особую группу западнославянских племен, населявших острова, расположенные в Одерском заливе, Узном, Волин и Руяну. «Наиболее знаменитыми из них были руяне, или раны, руны и рутены, что означает русские» (стр. 32). Этому указанию следовало бы уделить большее внимание. Действительно, забыто то, на что обращал внимание еще Ломоносов и, спустя много времени после него, Гедеонов, а именно: связь западнославянского, в частности, прибалтийско-поморско-славянского, мира с миром восточнославянским. Этот вопрос требует, конечно, специального исследования, но стоит обратить внимание на то обстоятельство, что на территории распространения немецкого языка русские именуется ругами или рутенами на протяжении столетий, что Ольга, принявшая при крещении имя Елены, в западноевропейских хрониках выступает под именем «Елены, королевы ругов», причем хроники, говоря о посольстве Ольги, называют его то посольством «*Helenaе reginae Rugorum*», то «*legati Russiae gentis*».

Отмечая на стр. 46 наличие одинаковых племенных названий в разных концах славянской земли: и у южных, и у западных, и у восточных славян, автор пишет:

«общность данного племенного наименования (речь идет о наименовании поляне.—В. М.) у многих славян не нуждается в специальном подчеркивании!». Однако здесь многое требует еще исследования. Необходимо в каждом конкретном случае установить, возникают ли общие наименования племен независимо друг от друга или они являются результатом расхождений и отпочкований в разные стороны от данного племени в результате передвижений и переселений отдельных родов, групп и т. п. А таких встречающихся в разных концах славянских земель общих племенных наименований очень много. Достаточно вспомнить дулебов, полян, древлян, дреговичей, хорватов, кривичей, северян и др. Совершенно правильно А. Д. Удальцов указывает, что «примером упрощенчества является сведение процессов этногенеза исключительно к явлениям объединения, этнической интеграции, к принципиальному отрицанию всякой возможности этнической дифференциации», ибо «... этнический процесс является синтезом этих двух тенденций, при котором движение от множественности к единству является лишь главным, определяющим, ведущим процессом»¹.

Вот почему вряд ли можно предполагать, как это делает автор рецензируемой работы, что «процесс перерождения группы местных яфетических племен в словенцев-индоевропейцев в значительной мере уже завершился к началу н. э.» (стр. 46). Словенцы на побережье Адриатического моря, славянского Ядрана, в предгорьях Альп, на берегах Дуная и Дравы представляли собой не только результат переплощения местного доиндоевропейского или раннеиндоевропейского населения. Несомненно, славянский элемент на Адриатическом побережье, ставший в эпоху раннего средневековья господствующим, здесь в древности отсутствовал. Явившиеся сюда словенцы оказались мощным этническим коллективом, и не их растворили в себе туземцы, а, наоборот, они славянизировали лигуров, иллирийцев, галлов и др.

Мне кажется удачной попытка связать наименование Карпат с древним племенем карпов и с более поздними хорватами, хотя обширная литература по этому вопросу все же еще не исчерпывает данной проблемы. Но зато вряд ли можно признать удачным обычную старую трактовку племенного термина «поляне» от «поле», т. е. жители «полей». Конечно, она напрашивается по аналогии с древлянами, названными так «зانه седоша в лесах». Противоположностью им должны были быть поляне, но эти последние сидят совсем не в поле, а на горе и в лесах киевских («в лесе на горах, над рекою Днепрською»), и попытку летописца объяснить название «поляне»—«занеже в полє седяху» вряд ли можно сейчас считать удовлетворительной, ибо окрестности гор киевских в те времена были сплошными лесами. Надо искать другое объяснение этому слову. Здесь мне кажется заслуживающим внимания соображение А. Д. Удальцова, связывающего полян со словами-спорами-парадатами².

В главе третьей: «Общественный строй у славян в древности (до XI века)» Н. С. Державин, отводя очень большое внимание анализу и критике буржуазных историков (Кадлеца, Зигеля, Новотны, Бобржинского), подробно останавливается на вопросе о древнеславянской общине, совершенно справедливо указывая на длительное существование наряду с общинами-марками также семейно-родовых общин. Этот вопрос, к сожалению, очень мало привлекает к себе внимание наших историков, хотя в свое время Леонтович, Ковалевский, Ефименко, Лучицкий и др. доказали наличие на Руси не только в древности, но и в более поздние времена семейных общин.

Это открытие Ковалевского, в частности, обратило на себя внимание Фридриха Энгельса, который указывал: «Мы обязаны Максиму Ковалевскому... доказательством того, что патриархальная большая семья... явилась переходной ступенью от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной

¹ А. Д. У д а л ь ц о в, Теоретические основы этногенетических исследований, «Известия Академии Наук СССР, Серия истории и философии», I, № 6, 1944 г., стр. 264.

² А. Д. У д а л ь ц о в, Основные вопросы происхождения славян, сборник «Общее собрание Академии Наук СССР 14—17 октября 1944 г.», стр. 101.

семье современного мира... Только около десяти лет тому назад доказано существование таких больших семейных общин и в России...»¹.

Н. С. Державин указывает на наличие родовой организации у всех славянских племен древности и на протяжении всего изложения в достаточной мере убедительно показывает, как родовые связи перерастали в территориальные. К сожалению, автор не уделил достаточного внимания вопросу о возникновении феодальных отношений, хотя и довел изложение эволюции общественного строя у славян до XI в. Полагаю, что было бы более целесообразным значительно сократить изложение взглядов Кадлеца и Зигеля, сократить полемику с ними и подробней изложить свои взгляды по вопросу о генезисе феодального общества у древних славян.

Очень интересна попытка Н. С. Державина трактовать рассказ о Кие, Щеке и Хориве, как отражение того этапа общественного развития полян, когда они жили еще родовым строем. К этому вопросу автор возвращается и в главе IV (стр. 95). Предположение Н. С. Державина подтверждается данными раскопок². В легенде о трех братьях отразился действительно социальный мир трех братских родов, представлявший собою «прежде всего группу кровно родственных семей, т. е. семейно-родовую общину, сидевшую каждая «на своих местах», на Киевских горах, в дремучем лесу («лес и бор велик»), но вблизи одна от другой, на общей для всех их территории», (стр. 59). Полагаю, что попытку искать в так называемых легендах зерно истины надо только приветствовать.

Трудно сказать, что имел в виду автор, когда писал, что показания Прокопия о «дрянных избах» у славян со многими выходами могут быть проверены на соответственных памятниках трипольской культуры (стр. 61). О каких памятниках трипольской культуры речь идет—остается совершенно неясным.

На стр. 64 Н. С. Державин напрасно полагает, что территориальная соседская община на юге Руси носила название вервь. Под термином «вервь», особенно в более древние времена, скрывалась семейная община, и только с течением времени этот термин стал покрывать собой территориальную общину, сохраняющую в своем составе семейные общины.

Полагаю, что следовало бы заменить термин «первобытно-коммунистическое общество» общепринятыми ныне терминами «первобытно-общинный строй», «первобытное общество» (стр. 72 и др.).

Вызывает удивление стремление объяснить племенное название «сасин», встречающееся у Масуди, из наименования «сусола» русских летописей и подозревать в «баранджабинах» того же восточного писателя русское племя дреговичей (стр. 89).

Очень интересна попытка автора дать характеристику различным формам политических объединений западных славян эпохи варварства, дофеодальным государствам славянского мира (стр. 90—91). Полагаю только, что вряд ли есть достаточно оснований так настойчиво подчеркивать рабовладельческую природу польского государства времен первых Пястов (стр. 93—94).

Глава четвертая посвящена древнеславянскому городу.

К сожалению, автор почему-то проходит мимо трудов современных советских археологов, занимавшихся древнерусским городом, и предпочитает придерживаться явно устаревшей работы Д. Самоквасова. Мы не находим на страницах рецензируемого труда ссылок на работы В. И. Равдоникаса, М. К. Каргера, П. Н. Третьякова и других археологов, достижения которых были бы не безынтересны для Н. С. Державина.

Останавливает на себе внимание анализ терминов, обозначающих город. Автор показывает различное значение термина «грод», «град», «город», «гард», показывает эволюцию понятия «город», историю развития селения городского типа, различные,

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1938, стр. 55.

² М. К. Каргер, Дофеодальный период истории Киева по археологическим данным, КСИИМК, т. I (1939); он же, К вопросу о Киеве в VIII—X вв., там же, т. VI (1940); он же, Раскопки древнего Киева, «Наука и Жизнь», № 2, 1940.

формы городских поселений, различные этапы в истории славянских городов, особенности городов отдельных славянских племен.

Слабее освещены в труде Н. С. Державина вопросы промышленности (кстати сказать, сам этот термин по отношению к данной эпохе вряд ли может быть применим), торговли и военного дела у славян, которым автор посвящает V и VI главы. Глава VI—«Военное дело»—занимает всего одну страницу.

Глава VII посвящена очень интересному вопросу: физическому типу древних славян. Автор стоит на совершенно правильной позиции, говоря о пестроте антропологического типа и замечая, что древние славяне «представляли собою в антропологическом отношении комплексный тип, который, территориально взятый, мог иметь гораздо более отличий от своих племенных сородичей иной территории, нежели от своих племенных инородичей-соседей» (стр. 125). Остается только пожалеть, что автор привлек так мало антропологического материала, не остановился на физическом типе древних славян по материалу погребений различных районов славянских земель.

Глава VIII посвящена быту и нравам древних славян и рисует нам славянский мир со всеми особенностями, ему присущими, вынуждавшими даже врагов говорить о славянах, как о гостеприимных, добродушных, приветливых- «не плохих людях» (Прокопий). Автор приводит замечательную характеристику славян, которую мы встречаем у Аль-Бекри: «Славяне, народ столь могущественный и страшный, что если бы они не были разделены на множество поколений и родов, никто в мире не мог бы им противостоять». Они воинственны и свободолюбивы, непритязательны и жизнерадостны, стойки, мужественны, они жестоки к врагам и очень гостеприимны по отношению к друзьям, верны и честны.

Эту главу, равно как и следующую, следует признать наиболее интересной во всей книге.

Глава IX освещает вопросы религии древних славян. В этой главе Н. С. Державин показывает всю пестроту религии древних славян, этапы развития религиозных представлений южных, западных и восточных славян, особенности племенных религиозных культов, религиозные праздники, поверья, подробно останавливается на функциях различных богов и богинь, различных духов. К сожалению, Н. С. Державин мало занимается вопросом о жречестве у славян; между тем как роль жрецов у западных славян очень велика.

Вторая часть книги Н. С. Державина посвящена первым государственным образованиям у славян и их истории (VII—XI вв.). Эта часть представляет собой популярный очерк политической истории западных и южных славян. Вызывает изумление то обстоятельство, что автор, считая необходимым,—и это вполне понятно,—говорить о Государстве Само, Великоморавском, Богемском княжествах, династии Дуло, о Болгарии времен Аспаруха, Крума, Омортага, Бориса-Михаила, о Сербии и Хорватии IX века, о державе Людевита Посавского, в то же самое время игнорирует вопрос о древнейших, докиевских политических объединениях восточных славян. А между тем такие политические объединения были. Стоит вспомнить рассказ Иордана о борьбе антов с готами в IV в., о Бозе (или Боже) и Винитаре (или Витимере). Не приходится уже говорить о так называемой державе вольнян, которая, несомненно, являлась прещественницей Киевского государства и первым государственным образованием восточных славян, возникшим еще до того, как сложилось государство Само и возникла болгарская держава Аспаруха. Это—досадное упущение автора, которое следовало бы устранивать.

Хотелось бы также, чтобы автор заменил часто встречающийся у него термин «этнографический тип» термином «этнический тип», что было бы более правильным, а также точно остановил бы свой выбор на более распространенном «Иордан», а не «Иорнанд» (стр. 11).

Книга хорошо и красиво оформлена. Тем досаднее грубые ошибки в наборе. В книге несколько десятков греческих слов, все они напечатаны с ошибками, это—вина корректуры и редакции. Но хуже то, что в типографиях нет необходимого шрифта; поэтому вместо литеры α напечатаны (с искажением) три литеры $\prime\prime\alpha$ (стр. 20). И уже

совершенно недопустимо, что в типографии нет славянской буквы юс, и на стр. 9 в слове «вяции» вместо юса вставлено клише с каким-то непонятым рисунком.

Подводя итог, должен отметить, что книга Н. С. Державина, несмотря на указанные недочеты, является, несомненно, ценным пособием для всех тех, кто хочет ознакомиться с древнейшей историей славянства.

Проф. В. В. Мавродин

В. В. ПАВЛОВ, Египет. Путеводитель. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва, 1945, тираж 3000 экз., цена 5 руб.

Небольшая (всего 37 страничек и 16 таблиц с иллюстрациями) книжка В. В. Павлова содержит краткое описание древнеегипетских памятников Государственного музея изобразительных искусств.

В кратком введении автор дает общую характеристику древнеегипетского искусства. Специальная глава посвящается заупокойному культу египтян, не зная которого трудно понять всю специфику египетского искусства. В следующей главе дается описание статуэток богов, и затем уже следуют главы, в которых характеризуются различные эпохи в истории египетского искусства в связи с развитием египетского общества и государства (искусство эпохи архаики, искусство эпохи Древнего царства, эпохи Среднего царства, эпохи Нового царства). Отдельные главы посвящены скульптурным моделям и прикладному искусству, и, наконец, заключительная глава дает описание памятников I тысячелетия до н. э.

Такое расположение материала следует признать вполне удачным. Получается возможность проследить древнеегипетское искусство во всем его развитии по основным памятникам, не отвлекаясь рассмотрением предметов особого характера (статуэтки богов, скульптурные модели и пр.), для которых отведены специальные главы.

Автор все время подчеркивает «цельность и органичность египетского искусства», прослеживая общие черты, проявляющиеся и в огромной пирамиде и в маленькой статуэтке. Свообразные черты египетского искусства автор убедительно связывает с особенностями мировоззрения древних египтян, корни которого следует искать в «материальных условиях существования и в социальной структуре древневосточного раннерабовладельческого общества с его деспотической властью фараона, опиравшегося на земельную знать, и, с другой стороны, на очень примитивную идеологию, царившую в сельских общинах» (стр. 6).

Автору удастся, несмотря на небольшие размеры книжки, отчетливо показать на конкретных примерах особенности художественного творчества различных эпох (например отличие скульптурных портретов Среднего царства от простых и несколько условных портретов Древнего царства или своеобразные приемы композиции в рельефах Нового царства, столь отличающихся от аналогичных памятников предшествующей эпохи).

Очень интересная характеристика дана памятникам Саисской эпохи, замечательным по своему техническому совершенству, но холодным и графаретным.

На некоторых образцах (деревянные ладьи с гребцами, плита Хунена, скульптурный портрет Аменемхета III, фигурки Раннаи и ее мужа, мемфисский рельеф с изображением плакальщиков) автор останавливается особенно подробно и дает возможность читателю понять и почувствовать все своеобразие и художественное совершенство этих шедевров, созданных 3—4 тысячи лет тому назад.

Имеются в книжке и некоторые недочеты. На стр. 11 культ животных объявляется пережитком фетишизма, тогда как на самом деле он связан с первобытными (позднее, конечно, искажившимися) тотемистическими верованиями.